

Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей / Рисунки
Е.Мешкова. //Государственное Издательство Детской Литературы,
Москва, 1962
FB2: "Miledi ", 2008-03-09, version 1.0
UUID: 79bc70c8-351f-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Под землей
(Сказки и рассказы для детей)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0011
III.....	.0020
IV.....	.0029

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
Под землей**

Наступил короткий зимний вечер. Падal мягкий, пушистый снежок. Целые Две недели страшный бушевал буран, сменившийся оттепелью. Но в избушке Рукобитова было и сыро, и холодно. По вечерам долго сидели без огня, сумерничали, чтобы напрасно не изводить свет, который давала дешевенькая сальная свеча. Дарья, жена Рукобитова, в потемках перемывала горшки да плошки, а бабушка Денисиха вечно сидела на своей лавке с прялкой и без конца вытягивала нитку из кудели. Веретено мерно и ровно жужжало в ее старческих руках, точно громадная муха. Это веретено занимало тощего, вечно голодного котенка, который напрасно старался поймать его лапой, и внушка Михалку, кото-

рый от нечего делать валялся в сумерки на полатах. Бабушка Денисиха любила поворачать, вернее сказать, – от старости начала думать вслух. Так и теперь под жужжанье своего веретена она говорила:

– Вот и слава богу и до рождественского сочельника дожили... Добрые люди сегодня-то до вечерней звезды не едят...

– А нам и завтра разговеться будет нечем... – сердито отозвалась от своей печки Дарья. – Одна картошка осталась, да и той в обрез хватит на всех.

В руках Дарьи горшки уныло звенели, стучаясь друг о друга, точно и они жаловались на голод. А тут еще Михалко с своих полатей жалобным голосом несколько раз повторял:

– Мамынька, звезда-то уж взошла... Дай хлеба...

– Отстань, смола! – ворчала Дарья, глотая слезы. – Вот ужо отец придет...

Рукобитовы вообще жили бедно, а нынешний праздник застал их совсем голодными. Случилось это благодаря бушевавшему целые две недели бурану, когда нельзя было работать на промыслах. Праздник являлся горь-

кой обидой, освещая огнем тяжелую домашнюю нищету.

– У штегеря[1] Маныкина третьего дня барана закололи, – рассказывал Михалко с полатей. – Лавочник привез с ярманки целый стяг говядины[2] да десять свиных туш... Ей-богу! Своими глазами видел. Свиныи-то жирные-прежирные, кожа лопается от жиру... Уж лучше этого нет, как шти со свининой... Одно-го жиру в горшке целый вершок накипит.

– Не мы одни бедуем, – думала вслух бабушка Денисиха. – У других-то и картошки нет, а у тебя свинина на уме... Глупый ты, Михалко.

– И то глупый, – ворчала Дарья. – Без того тошно, а он еще выдумки выдумывает... Вот отец придет, может, што и раздобудет к празднику в лавочке.

«Задолжали мы в лавочке-то по горло... – думала бабушка Денисиха, вздыхая. – А лавочники ноне немилостивые...»

– Мамынька, запали свечку... – просил Михалко.

– Отвяжись, сера горячая!

Темно. Жужжит веретено у бабушки, точ-

но и оно жалуется на плохие времена. Избушка в буран совсем выстыла, а затоплять пустую печь совестно. Михалко кутается в рваную шубенку и чутко прислушивается к каждому шороху на улице. Вот придет отец и что-нибудь принесет. Уж отец добудет! С тем пошел, чтобы не вернуться с пустыми руками.

– Идет!.. – крикнул Михалко, услышав скрип снега на улице.

Дарья тоже услышала и различила, что муж идет не один.

«Кого еще нелегкая несет об этукую пору?» – сердито подумала она, зажигая саленый огарок.

Шаги приближались. Вот они уже во дворе, вот заскрипели ступеньки на крыльце, вот распахнулась дверь... Вошли два мужика. Один, отец Михалки, молча положил на стол ковригу ржаного хлеба, а другой остался у двери.

– Ну, вот вам и розговенье, – проговорил отец Михалки. – Яков, проходи да садись. Гость будешь...

Дарья не могла удержаться и тихо заплакала.

Рукобитов и его гость походили друг на друга, как все промысловые рабочие. Среднего роста, худощавые, с жиденскими бородками мочального цвета, в рваных полушубках, запачканных желтой приисковой глиной, в разношенных валенках. Заслышав всхлипывания жены, Рукобитов рассердился.

– О чем хнычешь-то? – крикнул он. – А того не знаешь, что утро вечера мудренее...

– Я ничего не говорю, Иван Герасимович, – оправдывалась Дарья, сдерживая слезы. – Только обидно, што на дворе праздник, а у нас...

– Перестань, жена, – уже ласково проговорил Рукобитов, – не радуйся – нашел, не тужи – потерял... А розговенье мы себе добудем. Верно говорю, Яков?

– Добудем и розговенье... – мрачно ответил Яков, почесывая затылок.

– Ну-ко, хозяйка, свари нам картошки, – командовал Рукобитов. – Закусим – и того... да... пойдем, значит, свое розговенье добывать. – Помолчав немного, он продолжал: – Вся причина, значит, в штегере Ермишке... Все от него вышло... Привязался он к нам, пьяни-

ца... И сегодня пьяный по улицам ходил. К нам приставал, просил, просил рубль на водку, а то, говорит, вы меня попомните.

– Ох, господи, господи... – стонала бабушка Денисиха. – Вот в глазах стыда-то нет. Рупь-целковый... а? А где его взять!

– Ничего, бабушка, мы и без него обойдемся, – говорил Яков. – Мы и без него обойдемся. Пужает нас новым начальством, грит, новый управитель анжинер на промысла назначен, и все будет строго. Ему это на руку, пьянице... Подлаживается к начальству. А кто ему даст на водку, он ничего не видит и не слышит, а нас гонит с работы.

– Змей он, и больше ничего, – сердился Рукобитов.

Дарья затопила печь и приставила к огню горшок с картошкой. Она поняла, о каком розговенье говорит муж, и вперед жалела Михалку, которому придется поработать в шахте, может быть, всю ночь. Велик ли еще мальчонко, всего-то десятый год пошел. Ах, бедность, бедность!

Рукобитов с Яковым делали необходимые приготовления. Внимательно осмотрели пле-

тенную из черемухи корзину, в которой поднимали золотиносную руду из шахты, еще более тщательно осмотрели десятисаженный канат, на котором эту корзину спускать и поднимать. Все было в порядке.

Михалко тоже понимал, в чем дело, но молчал.

Горячая картошка была съедена живо. Дарья почти всю свою порцию отдала Михалке.

О том, куда все шли, никто не говорил. Это уж такая примета, что нехорошо болтать вперед о таком деле, которое еще неизвестно чем кончится. Рукобитов даже пожалел, что вперед похвастался будущим розговеньем. Вон Михалко, кажется, – не велик, а небось молчит, точно его дело и не касается.

Когда уходили мужики, Дарья сунула за пазуху Михалке большую краюшку хлеба.

Выйдя из избы, компания разделилась: Яков взвалил на себя всю «снасть», то есть канат, корзину, лопаты, кайло, небольшой ломик, топор, и пошел направо, чтобы пробраться к шахте задворками, где никто не увидит, а Рукобитов с Михалкой отправились прямо селеньем.

– Убродисто теперь задворками-то, – заметил Рукобитов. – Вон сколько снега намело.

Они прошли улицу, спустились к заводской плотине, ниже которой горбились крыши длинных корпусов золотопромышленной фабрики, и пересекли небольшую площадку, на которую выходил господский дом, где жил инженер, управляющий промыслами. Вся фабрика тонула в темноте, не дымила высокая железная труба, а господский дом был ярко освещен.

– Светленько живет новый наш анжигер... – заметил Рукобитов. – Вон сколько огня запалил.

Михалко молчал. Он с трудом шагал за отцом в своих разношенных валенках, болтав-

шихся на ногах. После сытой еды его клонило ко сну. Отец это заметил и старался его развлечь разговором.

– Ночку сегодня поработаем, Михалко, бог даст, добудем пудиков двадцать руды... Потапыч обещал вперед дать деньжонок. Ну, завтра и купим свинины... Любишь свинину? То-то... Такие шти мать нам запузырит, что жиру и не продуеть.

– Я люблю куском макать в жир... Скусно.

– Вот-вот... Уж на што скуснее. Дух какой по всей избе пойдет от горячих-то штец.

Глухоозерские золотые промысла занимали в Среднем Урале громадную площадь почти в шестьдесят квадратных верст. Они существовали уже больше ста лет и славились как одно из богатейших месторождений золота. Земля принадлежала казне, а прежде золото разрабатывалось казной, но в последние сорок лет этот способ добычи золота нашли невыгодным, и промысла были отданы в долгосрочную аренду одной компании. На промыслах были добыты сотни пудов золота, а селенье, раскиданное по берегу Глухого озера и по течению вытекавшей из него речонки,

отличалось большой бедностью. Добытые богатства не оставались на месте, а уходили куда-то в Питер, где жили члены компании.

Население было все промысловое и жило только той работой, которую давала компания. Но, к сожалению, население увеличилось, а работы не прибавлялось. Особенно тяжело приходилось по зимам, когда открытые работы, где золото вымывалось из золотоносных песков, прекращались, и продолжали действовать одни шахты, где разрабатывалось жильное золото, то есть золото, заключенное в кварцевых прослойках.

Между прочим, компания отдавала от себя в аренду небольшие участки частным предпринимателям, то есть своим же рабочим. Но получить такой участок бедному рабочему, как Рукобитов или Яков, было очень трудно. Нужда заставляла по зимам прибегать к тайной добыче золота, то есть золотоносного кварца, который сбывался состоятельным арендаторам, а уж те выдавали его за свой и промывали на компанейской фабрике. Именно таким арендатором был Потапыч, у которого уже несколько лет работала

арендованная у компании шахта «Рублиха» и которому продавали тайно добытый золотоносный кварц.

Рукобитов и Михалко вышли на берег Глухого озера, а потом свернули на лесную дорожку, по которой зимой возили дрова. Михалке сегодня казалось, что уж очень далеко идти до их тайной шахты, точно кто ее отодвинул. Снег продолжал падать, и ночная темнота точно сгущалась. Рукобитов несколько раз останавливался и прислушивался. На грех мастера нет, и можно было встретиться с кем-нибудь из штейгеров, преследовавших тайную разработку золотоносных жил.

– Здесь... – шепотом проговорил Рукобитов останавливаясь.

В стороне от дороги рос тощий еловый лесок, жидкий березняк и кусты рябины. Приходилось дальше брести прямо по снегу без всякой дороги. Рукобитов заравнивал за собой следы сломанной еловой веткой.

Они пришли к шахте не прямо, а сделали, на всякий случай, обход, путая оставшиеся в снегу следы.

– Здесь... – опять шепотом сказал Рукоби-

тов, рассматривая свежие следы по снегу. – Э-э, Яков-то нас обогнал. Он напрямик прошёл...

Действительно, Яков уже сидел у шахты, поджидая компаньонов. Он страшно устал и встретил их молча.

– Садись, Михалко, надо малость передохнуть, – предлагал шепотом Рукобитов.

Место для тайной шахты выбрано было очень искусно, среди мелкой лесной поросли, так что можно было пройти в двух шагах и ничего не заметить. А сейчас, кроме того, все было завалено кругом глубоким снегом.

– Эх, кабы не буран... – жалел Яков, почесывая в затылке. – Сидели бы сейчас в тепле да в сухе.

Рукобитов молчал. Что уж тут говорить. Он поднялся и начал расчищать снег, которым было занесено отверстие шахты. Это была так называемая шахта-дудка, то есть круглая, без деревянных крепей. Такие шахты устраиваются только зимой, когда смерзшаяся земля не грозит обвалом. Обыкновенная шахта напоминает колодец, стенки которого от обвала защищены деревянным срубом; но

где же бедному рабочему добыть такую роскошь. Не хватит силы. Конечно, работа дудками представляет собой большие опасности и преследуется горными законами; но бедные люди не писали этих законов.

Работа шла в темноте. Снег был срыт. Яков разыскал спрятанный в леске деревянный ворот, то есть деревянный валик с железной ручкой, «ходивший» на двух деревянных подставках, как в деревенских колодцах. Круглое отверстие шахты-дудки было прикрыто хвоей, чтобы не замело снегом.

Работали молча. Скоро над шахтой был поставлен ворот, а к нему прикреплен канат.

– Ну-ка, сперва я спущусь, – говорил Рукобитов. – Нет ли где обвалу... Михалко, ты озяб? Ничего, брат, под землей завсегда вот как тепло...

Еще раз осмотрели канат: как бы не оборвался, грешным делом.

– Ничего, хоть толстого купца спущай, – решил Яков.

К концу каната была прикреплена корзина. Когда канат был намотан на ворот, Рукобитов встал одной ногой в корзину и скоман-

довал:

– Ну, Яков, действуй!..

Канат начал медленно развиваться, и корзина пошла книзу. Шахта-дудка была настолько узка, что Рукобитов время от времени придерживался руками за ее стенки. Кругом было совершенно темно, а приходилось спускаться в глубину на десятки сажен.

– Стоп, машина! – крикнул Рукобитов, когда корзина стукнулась о дно.

Он зажег сальный огарок и осмотрелся. Все оставалось в том же положении, как и две недели тому назад. Стенки дудки держались крепко. Рукобитов в двух местах прикладывался ухом к этим стенкам и прислушивался, не течет ли где почвенная рудниковая вода, которая затопляет и настоящие, дорогие шахты.

На дне шахты оставалась еще не поднятая наверх кварцевая руда. Значит, не успели убрать. А в правом боку дудки шло маленькое отверстие, в которое «собаке пролезть». Это был так называемый «забой», или, по ученой терминологии, штрек. Золотоносные кварцевые пласты не падают вертикально, а всегда

под углом, и разработка их производится при помощи таких штреков.

В дудке Рукобитова, конечно, не могло быть и речи о правильно устроенном штреке, то есть с деревянным потолком на подпорках из бревен и с деревянной обкладкой стенок, чтобы земля не осыпалась. Дудки делаются круглыми, чтобы не обкладывать деревом, а забои устраиваются самые узкие с той же целью. Взрослому мужику в такую нору, конечно, не пролезть, а поэтому посылают туда мальчиков-подростков. Конечно, горными законами все это предусмотрено и строго запрещено, как угрожающее жизни, но горькая нужда поневоле обходит всякие законы. В свое время Рукобитов сам работал в таких забоях, а теперь посылал своего сына Михалку.

– Ничего, бог не без милости, – утешал он себя, поднимаясь наверх в корзинке.

Вернувшись наверх, Рукобитов проговорил:

– Тепло тебе будет в забое, Михалко... Под землей-то, брат, не мокнешь, не сохнешь, не куржавеешь. А жила разрушистая, только тронь ломом – сама крошится.

Когда Михалко уже поместился в корзине, отец дал ему еще одно наставление:

– Вот что, Михалко: будешь работать, а сам слушай, не зажурчит ли вода. Понял? На рудную воду можешь наткнуться, и всю шахту затопит. Потом опять же смотри в оба, чтобы не попасть на песок-пывун. Он еще похуже воды будет... Воду можно откачать, а песок все засыплет.

– Без тебя знаем... – довольно грубо ответил Михалко, потому что страшно хотел спать.

На работе Михалко принимал грубый тон, подражая настоящим большим мужикам. Так и сейчас, влезая в корзину, чтобы спуститься в дудку, он что-то ворчал себе под нос, а потом проговорил:

– Вы у меня тут смотрите, не оборвите веревку-то...

– Уж дела не подгадим, Михалко, – успокаивал Яков, крепко придерживая железную ручку ворота. – А вот ты нам к празднику жилки наковырай, штобы золота побольше было...

Михалко сердито посмотрел на него и даже плюнул в сторону:

– Ума у тебя нету, Яков...

– Н-но-о!

– Верно тебе говорю... Што ты сказал-то, ежовая голова? Когда охотники на охоту едут, так им што говорят добрые люди? «Штобы вам не видать ни шерсти, ни пера...» А ты: дай больше золота!

– Правильно, Михалко! – похвалил Рукобитов. – А ты, Яков, немножко не того. Напрас-

ное слово, значит, сказал.

Необходимая для работы «снасть», то есть небольшой железный лом, кайло и железная лопата с короткой ручкой, была уложена в корзинку, и Михалко начал спускаться в темную пасть дудки. Налегая всей грудью на ворот, чтобы не тряхнуть корзины, Яков проговорил:

– Пуда с полтора мальчонка вытянет...

Когда корзина была в половине дудки, Рукобитов наклонился над ее отверстием и крикнул:

– Михалко, а ты гляди, грешным делом, не засни в забое-то... Тепло там, как раз сон подморит.

Из глубины дудки детский голос ответил:

– Вы там не засните наверху-то... Да огоньку разложите. Когда вылезу, так погреться надо.

– Ладно, ладно... И свечку береги, Михалко. Другой-то нет...

– Без тебя знаю...

– С богом, со Христом, Михалко.

Спуск продолжался недолго. Когда корзина опустилась на дно, канат сразу ослабел. Руко-

битов все время смотрел на дудку и успокоился только тогда, когда глубоко под землей зашевелился слабый огонек.

– Надо огонек разложить, как Михалко наказывал, – решил Яков. – Вылезет из дудки, обогреться захочет...

– А кабы кто не увидал огня-то...

– Ну, кому его видеть... Праздник на дворе, все по своим углам сидят. Да и нам погреться бы надо, а то вот как студено... Одежка-то дыра на дыре.

– И то студено... – согласился Рукобитов, почувствовавший холод только теперь.

Чтобы со стороны не было видно огня, мужики выкопали в снегу глубокую яму и на самом дне устроили небольшой костер. Из снега же была устроена стенка – защитка от ветра. Кроме того, Яков кругом ямы натыкал хворосту.

– Оно куда способнее за ветром-то посидеть, – говорил он, протягивая над огнем окоченевшие руки. – А который человек захолодает, так ничего он не стоит...

Они разговаривали вполголоса, точно боялись кого разбудить. Время от времени Руко-

битов подбегал к дудке и прислушивался, что там делается. Прошло, по крайней мере, полчаса, пока веревка на воротах не дрогнула, а из дудки донесся детский голос:

– Подымай!..

Первая корзина принесла немного. Кварц был хороший для золотоносной жилы: ноздреватый и ржавый от железных окислов, но видимого золота не оказалось.

– Жила разрушистая, – заметил Яков. – Легко ее Михалке добывать...

– Пуда с три наберется кварцу... – соображал вслух Рукобитов, опоражнивая корзину.

Вторая корзина тоже не принесла ничего особенного, и Яков, сидя около огонька, только почесывал в затылке. Эх, напрасно давеча глупое слово сорвалось насчет золота.

Добытый кварц они уносили в кусты и заваливали снегом. Мало ли что может случиться!.. Тот же штейгер Ермишка, чтобы выслужиться, с пьяных глаз начальство подведет. Ему, оголтелому, все равно...

Мужикам было совестно, что они наверху сидят без дела, а Михалко работает один за всех.

Когда поднимали пятую корзину, Михалко что-то кричал со дна дудки, но разобрать ничего было нельзя. Разбирая корзину, Яков вдруг ахнул. Схватив кусок кварца фунта в два, он подбежал к огню и с жадностью принялся его рассматривать. Рукобитов подошел, посмотрел на кварц и проговорил:

– Вот так штука...

– Да-а... Точно плюнуто золотом-то в кварц.

Ах ты, братец ты мой...

Взвесив камень на руке, он прибавил:

– Золотника с два золота будет... Потапыч на худой конец целковых пять отвалит.

– Держи карман шире... Отвалит! Не таковский он человек. Ну, как-никак, а Михалко нам розговенье добыл...

Работа шла уже часа три, и по-настоящему следовало бы идти домой. Но мужиков охватила жадность. В жилах золото часто попадает так называемыми гнездами, и, очевидно, Михалко попал на такое гнездо, и его следует выбрать до конца.

– Михалко, постарайся! – кричал Яков, спуская в дудку пустую корзинку, – Бог счастье послал...

Не успели еще спустить корзину, как Яков вдруг насторожился. Он расслышал, как где-то тявкнула собака.

– Слышал? – шепотом спрашивал он Рукобитова.

Лай повторился.

– Это Ермишка... – решил Яков. – Ах, напасть какая! Это его собачонка Куфта тявкает. Он ее выучил по следу нашего брата – хищни-

ков – разыскивать... Да не идол ли!..

Лай приближался. Куфта вела по следу прямо к дудке.

– Руби канат! – командовал Рукобитов, засыпая огонь снегом. Канат был обрублен и упал на дно дудки, Рукобитов наклонился над ее отверстием и крикнул:

– Михалко, начальство накрыло!.. Не подавай голосу... А потом мы тебя вызволим. Погаси огонь.

– Ладно, – ответил детский голос из-под земли.

Попрятав в снегу разную снасть, мужики пустились бежать в разные стороны, чтобы сбить погоню с толку. Рукобитов спрятал кусок кварца с золотом за пазуху и придерживал его обеими руками, как сокровище.

Куфта, лохматая собачонка с завороченным на спину хвостом, вывела погоню прямо к дудке. Впереди шагал по снегу штейгер Ермишка.

– Здесь... здесь... – повторял он, с трудом вытаскивая ноги из глубокого снега. – Молодец, Куфта!..

За ним в высоких охотничьих санях, при-

способленных специально для езды по снегу, ехало «начальство», завернутое в енотовую шубу.

Когда сани остановились у самой дудки, Ермишка снял шапку и торжественно заявил:

– Вот она, дудка самая... Ах, ироды!.. А меня не проведут, ваше высокоблагородие... стараюсь для начальства вот как... Эти самые хищники уже давно грозятся меня застрелить, а мне это все равно... Ей-богу! Только бы угодить вашему высокоблагородию.

«Начальство» вылезло из саней и долго осматривало дудку. Из воротника шубы выглядывало молодое лицо с серыми глазами и пушистыми усиками.

– Уж я старался вам как... – повторял Ермишка, продолжая стоять без шапки.

– А может быть, здесь работали не сегодня, а раньше... – проговорил молодой инженер, раскуривая папиросу.

– Раньше?.. – обиделся Ермишка. – А следы свежие откуда? Вон как все утоптанно кругом... и земля свежая насыпана на снегу...

Самым убедительным доказательством послужил засыпанный снегом костер. От него

еще шел пар. Куфта вертелась около дудки и вызываяще взвизгивала.

– В дудке человек сидит... – решил Ермишка и, наклонившись над дудкой, крикнул: – Эй, жив человек, выходи!.. А то снегом всю дудку засыплю...

Михалко не отвечал, спрятавшись в забое. Он узнал голос Ермишки.

– Что же мы тут будем делать? – спрашивал инженер.

– Веревки не захватили, ваше высокоблагородие, а то я бы спустился и выволок из дудки, кто там спрятался. Ошибочка вышла... А мы вот что сделаем: запечатаем дудку. У меня всегда с собой печать и сургуч... Не посмеют казенную-то печать ломать.

Шахта была запечатана, то есть ручка во рота.

– Пусть теперь посидит там целую ночь, – торжествовал Ермишка. – А завтра утречком я приеду с канатом и выволоку... Ей-богу!

IV

Рукобитов прямой дорогой направился к скупщику краденого золота Потапычу. Было уже поздно, но к Потапычу днем никто и не ходил. Это был седой, крепкий старик с окладистой бородой и сердитыми маленькими глазами. Он внимательно осмотрел принесенный кусок кварца с золотом, долго что-то высчитывал про себя и потом решительно проговорил:

– Три целковых...

У Рукобитова даже руки затряслись от охватившего его горя. Он рассчитывал получить пять рублей. Ведь надо же поделиться с Яковом. Но как он ни торговался, – ничего не вышло. Потапыч не прибавил ни одной копейки.

– Так больше не дашь? – спрашивал Рукобитов.

– Не дам...

– А хрест на тебе есть?

– Даже весьма...

– Бога ты не боишься, вот что!

– А ты, милый человек, ступай к новому

управляющему, он, может быть, и больше тебе даст, – пошутил безжалостно Потапыч, поглаживая свою бороду. – Много вас, таких-то...

Как Рукобитов ни бился, а пришлось помириться и на трех рублях. Все-таки, как-никак, а будет розговенье... Дорогой домой он рассчитал, что он из этих денег отдаст рубль Якову, а два рубля останутся на его долю с Михалкой. Будут и горячие щи со свиной, и ситный белый хлеб, и пирог с кашей, и стаканчик водки за труды праведные...

Проходя к своей избушке, Рукобитов вдруг заробел. Вот он войдет, а Дарья первым словом: «Где Михалко?» Ну, и бабушка Денисиха тоже накинется... Он несколько раз прошелся под окнами. Изба чуть-чуть была освещена самодельной плошкой из дешевого бараньего жира.

Дело было скверное.

«Куда это делся Яков?» – думал Рукобитов, соображая, что двоим все-таки было бы легче держать ответ.

А Яков был легок на помине. Он подошел и молча только почесал затылок.

– Ну, что? – спросил Рукобитов.

– А так... крышка.

– Ну?

– Ермишка, значит, запечатал нашу дудку, змей подколотый...

– Как же мы будем добывать Михалку?

– Ворот, значит, запечатал...

Мужики говорили между собой тихо, но Дарья не спала и слышала, что под окнами кто-то топчется в снегу и шепчется. Она выскочила в одном сарафанишке за ворота и сразу накинулась на мужа:

– А где Михалко?

– Михалко... придет... Отстал немного... – бормотал виновато Рукобитов.

– Ей-богу, сейчас придет, – уверял растерявшийся Яков.

Дарья сразу поняла, что дело неладно, и заголосила. Этого еще не доставало... Рукобитов едва увел ее в избу.

Бабушка Денисиха лежала на печке. Ей что-то нездоровилось. Она слышала шум во дворе и вся встрепелась, когда до ее старого уха долетело слово: Михалко. Она, как и Дарья, сразу догадалась, что дело неладно и что случилась какая-то беда.

Мужики вошли в избу с виноватым видом, подталкивая друг друга. Дарья плакала, закрывая лицо рукавом.

– А где Михалко? – спрашивала старуха, слезая с печи. – Куда вы дели мальчонку?

Как мужики ни мялись, но пришлось еще раз повторить, как было дело.

– Да мы его, Михалку, вызволим, только пусть ободняет[3] малость, – говорил Рукобитов, выкладывая три рубля на стол. – Вот вам и розговенье добыли... Один рубль тебе, Яков, один рубль Михалке, а один мне.

Но деньги не утешили плакавшую Дарью.

– Михалко-то под землей будет околевать, а мы будем розговляться? – причитала она. – Тоже придумали...

– Ах, Дарья, Дарья, ничего ты не понимаешь! – объяснял Рукобитов, сбиваясь в словах. – Сказано: добудем Михалку... А што он полежит в забое, – не велика важность. Тепло там... Главная причина, что дудка-то запечатана. Ежели сломать печать, так наотвечаться... Потом начальство со свету сживет и без работы замучит. А все идол Ермишка подвел... Чтоб ему ни дна ни крыши!

– Добудем Михалку, – повторял виновато Яков. – Вот только печать...

Бабушка Денисиха выслушала все и начала одеваться.

– Бабушка, куда ты собралась на ночь глядя? – удивилась Дарья.

– А туда... – сердито ответила старуха, с трудом надевая в рукава старую шубенку. – Михалку добывать.

– Да ты в уме ли, бабушка?

– А, видно, поумнее всех буду... Без Михалки не ворочусь. Такого закону нету, чтобы живого человека под землей печатью запечатывать. Да. А кто Михалку запечатал, тот и добывать будет. Прямо к новому анжинуру пойду... С меня, со старухи, нечего взять. А я ему всю правду скажу...

– У анжинера теперь вот какой бал идет, – говорил Яков. – Свету, как в церкви в Христовую заутреню.

– Ну, значит, и я на бал пойду, – спокойно говорила бабушка Денисиха, крепко закутывая голову старым платком.

Мужики молчали.

– Ты про нас-то не говори, бабушка, што,

значит, мы в дудке работали, – говорил Рукобитов.

– Уж я знаю, што ему сказать, – уверенно ответила старуха. – Кто работал, – руки-ноги не оставил. А закону все-таки нет, чтобы морить людей под землей. Еще передо мной анжинер-то досыта накланяется. Нечего с меня взять.

Одевшись, бабушка помолчала, взяла в руки свою черемуховую палку и сказала:

– Ну, так вы меня ждите. Дарья, ты подтопи печку-то да картошки свари опять. Все-таки горяченького Михалко хватит с уstatку.

Когда бабушка Денисиха пошла к дверям, Рукобитов попробовал ее остановить:

– Не ходила бы ты лучше, бабушка. Не женское это дело. Да и дорогой еще замерзнешь, пожалуй!..

Бабушка повернулась к нему, показала свою палку и сказала:

– А вот это знаешь?

Когда дверь за ней затворилась, Яков со вздохом проговорил:

– Правильная старушка. Вот какого она холоду нагонит, а взять не с кого.

– Нет, с работы стонят.

– Пуцай гонят! – решительно заявил Рукобитов. – Как-нибудь перебьемся, коли на то пойдет. Не мы первые, не мы последние...

А старая Денисиха шагала посредине улицы, размахивая своей палкой и думая вслух:

– А вот приду и все скажу... Нету такого закона!.. Суди меня, а я вот пойду и твою печать на мелкие части растерзаю.

В господском доме елка уже догорала. Разодетые по-праздничному дети с нетерпением ожидали того блаженного момента, когда елка со всеми своими сокровищами поступит в их полное распоряжение. В передней на стуле дремал штейгер Ермишка, «отвечавший сегодня за швейцара».

Из столовой доносился веселый говор закусывавших; в кабинете играли в карты; молодая красивая хозяйка бегала из комнаты в комнату, занимая гостей. Когда послышался скрип ступенек на деревянной лестнице, Ермишка вскочил и бросился отворять дверь.

Перед ним стояла бабушка Денисиха со своей палкой... В первую минуту Ермишка совершенно оторопел, а когда узнал старуху Де-

нисиху, загородил ей дорогу и зашипел, как гусь.

– Куды пре-ешь?!

Вместо ответа бабушка Денисиха ударила его палкой прямо по голове.

– Вот тебе, змей подколодный!..

Конечно, старуха не могла ударить больно, но Ермишка закричал благим матом:

– Ой, убила!.. До смерти убила...

В переднюю выскочили все гости, но старуха не смутилась, а только проговорила:

– Который, значит, будет тут хозяин? Мне анжинера...

– Что тебе нужно, старушка? – спросил выступивший вперед хозяин.

– Мне-то? А зачем ты моего Михалку печатью запечатал под землей?

– Какого Михалку?

– Моего внука Михалку... Ты-то вот радуешься тут со своими детками, а Михалко под землей сидит. Разве есть такой закон?!

– Это она насчет дудки, которую мы даве опечатали... – объяснил Ермишка. – Меня-то вот как палкой благословила, прямо по голове... Этак можно живого человека и до смерти

убить. Позвольте, ваше высокоблагородие, я ее в шею вытолкаю за пустые ее слова.

– Нет, оставь... А ты, старушка, говори толком.

– И скажу... все скажу... Ты запечатал Михалку в дудке, ты и добывай!..

Когда все разъяснилось, управляющий велел подать лошадь и отправился с Ермишкой на дудку.

– Ты подожди здесь, бабушка, – ласково говорила его жена, усаживая старуху на стул в передней. – Может быть, ты озябла? Может быть, есть хочешь?

– Нет, ничего мне не нужно, барыня... – шептала Денисиха.

– Мой муж не знал, что в шахте спрятался твой внучек... Это все штейгер виноват.

– Он, он, матушка!..

Дети нетерпеливо выглядывали в переднюю. Кто-то назвал сидевшую в передней старуху ведьмой, и всем это показалось очень смешным. А «ведьма», обласканная доброй барыней, сидела и плакала.

– Вот твои детки, хорошая барыня, с радости скачут, а наши детки с голоду плачут, – го-

ворила бабушка Денисиха, качая своей головой. – Праздник на дворе, а в дому и хлеба не было.

Она сидела и рассказывала про свою бедность, а добрая барыня слушала, глотая слезы.

– Мама, когда мы будет делить елку? – приставали к ней.

– Подождите, когда приедет папа.

– А он куда уехал?

– По одному важному делу и скоро вернется. Имейте маленькое терпение...

Папа действительно скоро вернулся и торжественно ввел в переднюю упиравшегося Михалку.

– Вот тебе, старушка, твой внучек. Едва его вытащили из дудки. Спрятался в забое и молчит.

Когда старая Денисиха вернулась домой с Михалкой, все только ахнули.

– Ай да бабушка! – хвалил Яков.

– Вот то-то и есть, аники-воины, – ворчала старуха. – Руки у вас есть, а ума-то и не хватило...

Дарья опять плакала, но уже на этот раз от радости.

Примечания

Штегер (правильно: штейгер) – горный техник, заведующий рудными работами.

[^^^]

2

Стяг говядины – мясная туша.

[^^^]

3

Ободняет – то есть настанет утро, рассветет.

[^^^]